

Литературное наследство

Выпуск 29–30

УДК 82-3
ББК 84
Л64

Л64 Литературное наследство: Выпуск 29–30 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 910 с.

ISBN 978-5-458-53197-9

"Литературное наследство" – старейшее российское издание, посвящённое истории отечественной литературы. Первый выпуск "Литературного наследства" появился в конце 1931 года. За 80 лет "Литературное наследство" извлекло из архивно-забытья и осуществило первые научные публикации многих тысяч незаслуженно забытых художественных, эпистолярных, мемуарных и других произведений А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Л.Н.Толстого, И.С.Тургенева, Ф.М. Достоевского, Ф.И.Тютчева, А.Н.Островского, А.П.Чехова, И.А.Бунина и их современников.

ISBN 978-5-458-53197-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящие три сборника «Литературного Наследства» посвящены разработке материалов, относящихся к литературным взаимоотношениям России и Франции в XVIII—XIX вв. Начало осуществляемого редакцией изучения русско-западных литературных отношений положено еще в 1932 г. «Гётевским томом», и работа эта продолжается подготовкой к печати выходящего в недалеком будущем специального русско-английского сборника.

Методологическая важность изучения русского литературного процесса не в его национально-замкнутом разрезе, а в плане широкой европейской действительности подчеркнута в известных замечаниях товарищей И. Сталина, С. Кирова и А. Жданова по поводу конспекта учебника «Истории СССР»: «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великодержавии не отрывалась от истории других народов СССР—это во-первых, и где бы история народов СССР не отрывалась от истории обще-европейской и, вообще, мировой истории—это во-вторых».

Товарищ Сталин указывает на необходимость изучать весь процесс исторического развития России и отдельные его этапы в международном аспекте, как часть мировой истории, и делает, с одной стороны, ряд замечаний, идущих по линии указаний международной роли и положения русского царизма, русского капитализма, русской революции, с другой стороны—по линии роли и влияния западно-европейских революций и социалистического движения на формирование буржуазного революционного движения и пролетарского социализма в России.

В свете этих методологических указаний, в полной мере относящихся и к изучению русского литературного процесса, становится особо очевидной научная актуальность общей проблематики, положенной в основу настоящего издания.

В силу ряда исторических причин, литературные и общекультурные связи России с Францией в XVIII—XIX вв. были крепче, разностороннее и плодотворнее, чем с какой-либо другой европейской страной. Французская литература и социально-политическая мысль, французские буржуазные революции 1789, 1830, 1848 гг., Парижская Коммуна 1871 г., с одной стороны, глубокое действие, оказываемое, начиная с последней четверти XIX в., на французскую литературу и мысль русским романом и русским искусством, могучее воздействие Великой Октябрьской Социалистической революции, с другой,—все эти и другие явления и события определили многое и существенное в содержании и направлении движения культурного развития России и Франции на протяжении двух последних столетий. В общей истории международных культурных связей история творческого общения русской и французской мысли в XVIII—XIX вв. образует одну из наиболее содержательных по богатству своих материалов и наиболее важных по своему значению глав. И невозможно правильно понять и оценить смысл и даже общий характер ряда явлений в истории русской и французской культуры, оставаясь в рамках национально-замкнутого изучения этих явлений, игнорируя их взаимные связи и выделяя их из общеевропейского культурно-исторического процесса.

Несмотря на теоретическую очевидность этого положения, следует признать, что история литературных и общекультурных отношений России и Франции до сих пор остается областью малоисследованной. К изучению ее до сих пор обращались, как правило, лишь по частным поводам, в связи с отдельными именами и явлениями русской и французской литератур. В результате, наряду с достаточной фактической изученностью отдельных частных эпизодов истории франко-русских литературных отношений, остаются даже первично не обследованными целые разделы этой истории. До сих пор не было и нет ни одного сводного, обобщающего труда, систематизирующего прежние русские и французские разыскания, посвященные отдельным вопросам данной проблемы. Исключением является известная книга проф. Е. Напф: «La culture française en Russie». Но и эта книга, до сих пор сохраняющая свое значение наиболее солидного вклада в дело изучения франко-русских культурных отношений, является обобщающей, как это видно из самого названия, лишь по отношению

к одной части проблемы: она суммирует лишь разыскания и материалы, касающиеся воздействий французской культуры на русскую, и почти не затрагивает обратных влияний. Кроме того, книга Е. Naumant вышла в свет в 1910 г., а все довольно многочисленные фактические материалы, опубликованные за последнее двадцатипятилетие русскими и французскими исследователями, остаются не только не суммированными в каком-либо труде, но и не сведенными воедино библиографически. Если, таким образом, в отношении систематизации уже накопленного материала—этого первоначального этапа всякой научной работы—сделано очень мало, то еще меньше сделано в направлении научного осмысления этого материала и разработки, на его основе, общей проблематики истории литературных отношений России и Франции. Здесь перед исследователями еще, действительно, непочтатый край работы.

Крайняя недостаточность предварительных частных изучений проблемы не позволяет в настоящее время дать сколько-нибудь полную ее научную характеристику. Это обстоятельство в значительной мере определило характер, содержание и задачи настоящего издания. Цель его—привлечь внимание к одному из наиболее отстоящих, но крайне важных участков нашего литературоведения, суммировать для отдельных вопросов ранее произведенную работу, дать в руки исследователя значительное количество новых архивных материалов и, опираясь на них, выдвинуть ряд новых исследовательских тем и установить ряд новых литературных связей России и Франции.

Подавляющее большинство публикуемых статей и материалов непосредственно связано с основной темой издания—выяснением русско-французских литературных отношений. Одновременно, редакция сочла целесообразным включить в издание также материалы, которые представляют несомненный научный интерес для изучения ряда крупнейших писателей Франции и которые, вместе с тем, раскрывают наши архивные богатства в отношении западных литератур. Таковы, например, некоторые впервые публикуемые тексты Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, Бальзака, А. де Виньи, В. Гюго, Жорж Санд, Беранже, Золя.

В связи с предстоящим в 1939 г. 150-летним юбилеем Великой французской буржуазной революции, редакция сочла также необходимым расширить историко-литературные рамки настоящего издания и опубликовать в нем такой ценный и новый источник, касающийся истории этой революции и отношения к ней царизма, как донесения русского посла в Париже в период 1784—1792 гг., И. М. Симолина. Изучение этих исторических данных необходимо и для понимания тех литературных процессов и явлений конца XVIII—начала XIX вв., в которых отразилось отношение русского дворянства к революции.

Содержание каждого из трех томов издания таково:

Открывающие первый том две статьи—«Литературные взаимоотношения России и Франции XVIII—XIX веков» и «Французская литература и СССР»—дают о б щ и е в о д н ы е о ч е р к и, характеризующие основное содержание двухвековой истории взаимоотношений русской и французской литератур и те глубочайшие принципиальные изменения в этих отношениях, которые были внесены Великой Октябрьской Социалистической революцией.

В остальном, содержание первого тома образуют публикации материалов, хронологически относящихся к XVIII—началу XIX вв. и группирующихся вокруг трех основных тем: французской просветительской литературы, Французской буржуазной революции 1789 г. и, наконец, вызванной этой революцией общеевропейской феодальной реакции, главным идеологом которой явился Жозеф де Местр, долго живший в России и много писавший о ней.

Французская просветительская литература, оставившая столь глубокий след в истории русской культуры, представлена в трех публикациях—«Наследие Вольтера в СССР», «Литературная корреспонденция Блен де Сенмора в Россию» и «Письма иностранцев к И. И. Шувалову». Наиболее крупный научный интерес представляет первая публикация, показывающая, каким исключительным богатством вольтеровских фондов располагают наши архивные собрания. Среди ряда документов здесь печатаются две неизданные рукописи Вольтера большого историко-литературного интереса. Одна из них—ранний фрагмент трагедии «Дон Педро», написанный не каноническим для французской трагедии александрийским стихом, а неровными строками вольного стиха (152 строки), другая—«посвящение» трагедии «Олимпия» известному деятелю XVIII в. И. И. Шувалову. Основная ценность и интерес этого «посвящения» заключаются в том, что оно дает новый и чрезвычайно яркий материал по вопросу о взглядах Вольтера на драматургию Шекспира и сценическое искусство. Существенным пополнением известного до сих пор эпистолярного наследия Вольтера являются описание и публикация рукописного сборника 178 подлинных вольтеровских писем

к семье Даржанталь—Пон де Вейль—источник несомненной важности для изучения литературной биографии писателя. Здесь же публикуется и ряд других писем Вольтера к различным адресатам, а также письма к нему, содержащие, в частности, новые материалы для суждения о его интересах в области русской истории.

Две другие публикации, в которых воспроизводятся неизданные тексты Гельвеция, Даламбера, Галиани, Бюффона, а также различные материалы о Дидро, Вольтере, Бомарше, Ж.-Ж. Руссо, дают значительное количество новых документальных данных для изучения не только русского «вельможного вольтерьянства», но и литературной и общественно-бытовой жизни предреволюционной Франции, а также для характеристики отношения к России времен Екатерины II ряда крупнейших представителей французской образованности конца XVIII в.

Тема об отношении царизма к Великой французской буржуазной революции раскрывается на материале дипломатических донесений русского посла в Париже в период 1784—1792 гг., И. М. Симолина. Историческая ценность и научный интерес этих донесений заключаются, прежде всего, в том, что они дают весьма существенный и яркий материал, разоблачающий контрреволюционную роль правительства Екатерины II и ее политики в отношении Французской революции 1789 г.

Для изучения столь недостаточно еще известной нам литературы, созданной Французской революцией, большой интерес представляет публикуемый текст неизданной патриотической пьесы «Обеты граждан» М.-А. Жюльена—яркий образчик санкюлотской драматургии.

Общеввропейская, в том числе и русская, феодальная реакция начала XIX в. показана в работе «Жозеф де Местр в России». В ней публикуется большое количество неизданных документов, существенно дополняющих известные уже прежде материалы о жизни и деятельности этого идеолога-публициста реакции. Привлеченные материалы позволяют раскрыть интенсивную деятельность, которую развил Жозеф де Местр в русском дворянском обществе Петербурга, где он прожил 14 лет, создавая в нем особую реакционную группировку, задачами которой были укрепление дворянских привилегий и крепостного права и пропаганда католицизма, как духовного орудия аристократической реакции.

Статьи и публикации второго тома освещают ряд вопросов о связях французской литературы с русской в XIX в. Работы эти неоднородны по своему характеру и целям, которые они преследуют. Если в отношении двух крупнейших имен русской литературы—Пушкина и Толстого, французские связи которых неоднократно и с разных сторон подвергались изучению в научной литературе, даны очерки, суммирующие основной материал фактических наблюдений, здесь накопленный, то изучение связей с русской жизнью и культурой двух крупнейших представителей французской литературы XIX в.—Бальзака и Гюго дано в работах, стремящихся к монографической разработке темы. Эти работы впервые в литературе широко охватывают тему русских интересов и русских связей Бальзака и Гюго, а также тему о творческом воздействии их на русскую литературу, привлекая для этого обширные архивные и иные материалы, существенно дополняющие русскими источниками биографические данные об этих писателях. По широте охвата темы и богатству привлеченного материала к этой же группе работ относится статья об Элиме Мещерском, впервые освещающая деятельность этого русско-французского поэта-романтика в области установления связей между официозной и славянофильской Россией 30-х годов и романтической Францией Людовика-Филиппа.

Другой раздел представляют статьи и публикации, посвященные более частным разработкам различных тем из области русско-французских литературных отношений XIX в. Такова, например, работа «Вяземский и Франция», дающая существенный новый материал для характеристики отношений Вяземского к французской литературе и журналистике 1810—1830 гг. и устанавливающая, в частности, на материале неизданного письма к редактору «Revue Encyclopédique»—первостепенного памятника русской политической литературы второй половины 20-х годов—его связи с единомыслием с либерально-конституционным движением во Франции. Сюда же нужно присоединить публикацию неизданных писем И. С. Тургенева к Флоберу, Э. де Гонкуру и Максиму Дю-Кану, дающих новый материал для суждений о взаимоотношениях русского романиста с названными писателями и являющихся ценным дополнением к тургеневскому эпистолярному наследию; далее, публикацию донесений секретного парижского агента русской политической полиции, Якова Толстого, в III отделение, представляющих значительный интерес исторического источника и, особенно, источника для изучения французской журналистики от середины 30-х годов XIX в. до начала крымской войны, в частности, ярко рисующих на идеологическом участке роль самодержавия, как «жандарма Европы»; наконец, публикацию писем

Золя, писем Тютчева о французских политических событиях 1870—1873 гг. и переписки Ж. Ришпена с Загуляевым.

Третий том, в отличие от первых двух, содержит значительное количество более мелких по объему и различных по своей общей тематике и характеру работ, которые образуют несколько разделов, или групп.

В первом разделе, продолжающем публикацию новых материалов, относящихся к изучению литературных отношений России и Франции, печатаются неизданные документы о работе Вольтера над «Историей России при Петре Великом», статья «Декабрист и Бальзаю», выясняющая на неизданных материалах отношение Кюхельбекера к французскому романисту, и ряд других сообщений. Много новых значительных материалов для истории русско-французских общественных и литературных течений конца XVIII и начала XIX вв. дает публикация переписки, мемуаров и других документов из архивов Стурдзы-Эдлинг и баронессы Крюденер. Здесь, в частности, публикуются неизданные письма Бернардена де Сен-Пьера, Шатобриана, г-жи де Сталь, Бенжамена Констана и Сент-Бёва. Совсем почти не изученная, но чрезвычайно существенная для истории как русской, так и французской литератур тема о литературной активности французской эмиграции эпохи 1789 г. в России частично разрабатывается на архивных материалах «Строгановской академии».

Следующую группу образуют два больших обзора. Первый из них—«Изучение русской литературы во Франции»—является первым опытом социально-политической интерпретации французского руссоведения от середины XVIII в. до наших дней и, вместе с тем, первой на русском языке сводкой библиографических материалов по данному вопросу. Второй обзор—«Царская цензура о французских писателях»—впервые на обширном материале изучает основные принципы и практику царской цензуры в ее отношениях к крупнейшим французским писателям XVIII—XIX вв.

Значительную группу образуют, далее, публикации новых обнаруженных в архивах СССР текстов французских писателей. Публикуются, в частности, письма и другие автографы Ж.-Ж. Руссо, Шатобриана, Жорж Санд, Беражье и др.

Самостоятельный раздел третьего тома представляет группа искусствоведческих работ. Среди многих хранящихся в художественных собраниях СССР произведений искусства публикуется неизданная рукопись с миниатюрами знаменитого памятника французской аллегорической поэзии—«Романа Розы» (рукопись начала XVI в.), ряд других старофранцузских миниатюр (XIV—XVI вв.), портреты и портретная скульптура Мольера, Корнеля, Вольтера, Бюффона, Руссо и др., иллюстрации к произведениям Мольера, Лафонтена, Вольтера, сказкам Перро и др.

Все публикуемые документы, написанные на французском языке, печатаются в этих основных томах в русских переводах. Публикация текстов тех же документов на языке оригинала, в сопровождении кратких резюме исследовательских работ, составит содержание отдельного (четвертого) тома.

Издание подготовил к печати С. А. Макашин.

В заключение, редакция «Литературного Наследства» приносит свою благодарность всем учреждениям и лицам, оказавшим ей помощь в работе над этим изданием.

Особенно большую и ценную помощь редакция неизменно получала от директора Institut des études slaves, проф. André M a z o n, принявшего непосредственное участие в издании, давшего ряд общих советов и указаний и способствовавшего получению редакцией из Франции целого ряда необходимых ей архивных, библиографических, иллюстративных и иных материалов. Значительную помощь оказал изданию также и г. Michel G o r l i n, непосредственно проведший все необходимые многочисленные архивно-библиографические изыскания в парижских архивах, библиотеках и музеях.

За содействие в разыскании и предоставлении ряда художественных иллюстративных материалов редакция приносит благодарность директору Государственного Эрмитажа академику И. А. Орбели и М. В. Доброклюнскому.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И ФРАНЦИИ XVIII—XIX вв.

Статья С. Машина

В истории развития европейской культуры Франции принадлежит особая роль. Она оказала наиболее глубокое и длительное культурное воздействие почти на все другие страны Запада. На протяжении столетий (за исключением эпохи Ренессанса, когда первенствовали итальянские культурные влияния) Франция была подлинной культурной метрополией Европы, Париж—признанной столицей европейского мира, французский язык—единственным могущим претендовать на положение международного.

В числе других европейских стран, Россия многое взяла от великой культуры французского народа и тесно связана с ней. В то же время русский народ выработал свои самобытные культурные ценности мирового значения и щедро вернул свой долг Франции. Длительные и плодотворные общения русской и французской мысли на протяжении последних двух столетий образуют одну из наиболее содержательных глав в истории международного культурного сотрудничества нового времени. Нам предстоит ознакомиться с основным содержанием двухвековой истории взаимоотношений русской и французской литератур и наметить главные этапы этого длительного культурного общения.

Сильнее, безраздельнее всего культурное значение Франции сказалось в европейской жизни на рубеже XVII—XVIII вв. «В начале XVIII столетия французская литература обладала Европою,—писал Пушкин.— Она должна была иметь на Россию долгое и решительное влияние»¹. Это было обусловлено рядом причин.

На протяжении XVII столетия Франция создает великую по своей общественной значимости литературно-художественную культуру; целое «созвездие гениев» (Пушкин) представляет ее—Корнель, Паскаль, Боссуэт и Фенелон, Буало, Расин, Мольер и Лафонтен. Культура эта опирается на сильную централизованную государственность, на социальное господство дворянства, утратившего былую феодальную независимость, но сохранившего свои сословные привилегии, на существование политически еще бесправной, но экономически уже крепкой буржуазии, весьма активно участвующей в идеологической жизни страны. Наличие развитых буржуазных элементов во французской культуре времени Людовика XIV и кардинала Ришельё определило ее более прогрессивный, передовой характер по сравнению с большинством других стран континентальной Европы, где все еще господствовали феодальные отношения. А то обстоятельство, что культура эта в известной мере была еще

феодальной, облегчало усвоение ее аристократическим обществом всей остальной Европы, в том числе, разумеется, и России².

В силу этих же причин, экономически более развитые и передовые страны той эпохи—Голландия и Англия—не могли, однако, соперничать с полуфеодальной Францией в отношении международного размаха и силы ее культурных влияний. И в Голландии—«образцовой капиталистической стране XVII века», и в Англии, установившей господство буржуазной олигархии из земледельцев, купцов и банкиров, новая буржуазная культура развивалась в таких односторонних формах и в среде настолько еще чуждой социальному строю остальной Европы, что ни та, ни другая не могли иметь решающего международного влияния. Франция одна была достаточно передовой, чтобы импонировать другим странам, и еще достаточно дворянско-монархической, чтобы быть им понятной и доступной.

Таковы были исторические причины, определявшие для рубежа XVII—XVIII вв. культурное первенство Франции в Европе.

Для России это была эпоха, когда имевшие уже большую давность процессы экономического развития, стихийно вовлекавшие хозяйственно и культурно отсталую страну в орбиту европейского исторического движения, получили в преобразовательной деятельности Петра I государственное признание и мощный толчок для своего дальнейшего роста. Прорубив для России «окно в Европу», Петр I, «не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»³ византийско-феодальной Руси, начал энергично европеизировать весь государственный строй страны, что, в свою очередь, неизбежно влекло за собой европеизацию всех сторон культурной жизни, в том числе и литературы.

Однако, политические задачи требовали на первых порах от русских людей, приобщавшихся к европейской образованности, не столько усвоения каких-либо общих идей, которые были созданы Францией, сколько овладения техническими познаниями и навыками в различных областях практической деятельности. По выражению Пушкина, «Россия вошла в Европу как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек»; войны и пафос государственной и хозяйственной стройки определили своеобразие петровского западничества—взгляд на просвещение, в первую очередь, с точки зрения его непосредственной, практической пользы, установку на освоение передовой западной техники, что, в свою очередь, обусловило и характер преимущественных иностранных воздействий в это время. Преобладают влияния буржуазной Голландии и Англии. К этим странам тяготеют и личные симпатии Петра, туда он направляет дворянскую молодежь для изучения «навигационной науки», инженерного искусства, военного дела и т. п. Наоборот, усвоение господствующей в монархической Европе культуры дворянской Франции происходит с трудом и очень медленно. Утонченный светский лоск парижско-версальского придворного быта был еще совершенно не к лицу «жантильонам российской Европии», только-что, по царскому приказу, сбритым «московские» бороды и с трудом осиливавшим науку «политеса» на голландско-немецких ассамблеях Петра. Идеи французской литературы, образованности, государственности «великого века» были еще мало доступны умственному кругозору российского дворянства, а внедрение этих идей в русскую почву осложнялось неразвитостью литературного языка, который с большим трудом мог вложить в свои архаические церковно-славянские формы новое творчество французов XVII в. Тем не менее, некото-

рые литературно-идеологические заимствования из Франции имеют место и в это время. Укажем хотя бы на интересный, но вовсе еще не изученный факт зарождения в петровское время довольно интенсивного русского интереса к творчеству дворянского социального утописта Фенелона, этого крупнейшего представителя французской оппозиционной литературы на рубеже XVII и XVIII вв. Первые из многочисленных русских переводов его «Похождений Телемака» относятся ко времени Петра, который, кстати сказать, и сам проявлял интерес к этому роману. Интерес к Фенелону сохранялся в нашей литературе на протяжении всего XVIII в. и, через Третьяковского, Державина, Фонвизина, Радищева, Карамзина, дошел и до Пушкина⁴.

Дворянская реакция, сменившая «буржуазную» политику царствования Петра I, в сильнейшей степени содействует обращению российского дворянства, или, по терминологии эпохи, «шляхетства», к монархической Франции. Как это обычно бывает в подобных случаях, изменениям подвергается, прежде всего, внешность; дворянско-монархическая культура Франции воздействует прежде и осязательнее всего своей бытовой стороной; в царствование Анны Иоанновны делаются уже первые организованные усилия привить французские культурные формы «высшим» слоям дворянского общества. Важным этапом здесь явилось основание Шляхетного кадетского корпуса (1732), призванного быть первым рассадником русских дворян европейской формации. Но только при Елизавете, когда представители интересов дворянской массы оказались непосредственно у власти и когда русское дворянство в целом располагало уже своей культурной силой—интеллигенцией, началось сознательное усвоение французской культуры. Но и теперь процесс этот не мог пройти безболезненно. Непрекращающийся приток новых людей из среднего, провинциального, глухого шляхетства в высшие слои знати постоянно поддерживал «национально-самобытные» черты в высшем вельможестве и способствовал сохранению в нем элементов старой, феодальной культуры допетровской Руси. Даже в конце XVIII в. (весной 1785 г.) гр. Сегюр, французский посол при петербургском дворе, застал в нем немало лиц, «принадлежавших скорее времени московских бояр, чем царствованию Екатерины»⁵.

Тем не менее, именно в это царствование происходит постепенно то приобщение русского дворянства к французской культуре и нравам, которое достигло апогея в первую половину царствования Александра I; что так классически изобразил в «Войне и мире» Толстой. Выше этого бытовая и языковая «галломания» дворянского общества в России уже не поднималась, но традиции ее сохранялись долго, и еще во второй половине XIX в. умение говорить по-французски было необходимым признаком принадлежности к «хорошему обществу».

Традиционное мнение о пленении русского дворянства второй половины XVIII—первого десятилетия XIX вв. французской культурой верно лишь в разрезе его внешнего быта. Действительно, из всех проявлений французской дворянско-монархической культуры наибольшее влияние на Россию (как и в остальной Европе) оказали правила великосветского общежития с их всеобъемлющим кодексом поведения. Но, разумеется, этим далеко не ограничился процесс культурного воздействия Франции на Россию. Усвоение бытовых форм придворно-монархической Франции и, особенно, французского языка являлось для русского дворянства одновременно и средством своего классового утверждения и начальным

этапом усвоения французской культуры в ее высших—политических, юридических, философских и художественных—проявлениях.

Этот сложный процесс отнюдь не сводился к простому заимствованию чужого. Силы исторического развития, втягивавшие отсталую Россию в орбиту экономического и культурного развития Запада, были огромны. Процессы петровской культурной реформы, ломавшей вековые устои феодальной московской Руси, происходили, в силу ряда причин, с исключительной интенсивностью, быстротой и, одновременно, неравномерностью. Россия проходила те же стадии социально-экономического развития, что и страны Запада, но шла с опозданием, в окружении высокоразвитой культуры других европейских стран. Отсюда необычайная «сомкнутость» этапов культурно-исторической жизни нашей страны и стремительность в прохождении Россией стадий европейской цивилизации. Отсюда же внутреннее сходство ряда самостоятельных литературных процессов и идейных тенденций, возникавших на русской почве, с теми, которые имели место на Западе,—сходство, которое и делало возможным внешние заимствования. Отсюда, наконец, крайняя пестрота этих заимствований в русской литературе XVIII в., в частности, сосуществование в ней различных по времени элементов французской культуры XVII—XVIII вв. и новые своеобразные соотношения этих элементов.

Наиболее широко была использована в русской литературе XVIII в. художественная система французского классицизма, господствовавшая тогда в литературе всей монархической Европы. Однако, в то время, когда в России начиналось ознакомление с этим литературным стилем абсолютистского государства, уже зародилась и росла новая Франция—Франция буржуазного просвещения, подготовившая 1789 год.

Представители старшего поколения французских просветителей—Монтескьё и Вольтер не порывают еще с придворно-дворянской культурой,—они завоевывают ее изнутри и преобразовывают для своих целей. Только на последнем своем этапе демократическо-плебейская часть просветителей, во главе с Руссо и Дидро, решительно разрывает с придворно-монархическим наследием XVII в. На первом же этапе деятели просвещения еще стоят на страже придворно-дворянской эстетики, хотя Монтескьё приемлет уже не столько Расина или Корнеля, сколько Кребийона-старшего, а Вольтер в «Заире» уже сближает классическую трагедию с мещанской драмой.

Дворянско-монархическая оболочка французской литературы XVIII в., уже в значительной степени буржуазной по своей идеологической сущности, в сильнейшей степени способствует усвоению этой культуры на русской почве, и в Россию французская поэзия почти с самого начала приходит, уже насыщенная элементами просвещения. Только молодой Тредиаковский, выученик Сорбонны, вернувшись из Парижа, переводит в 1730 г. галантно-аллегорический роман Поля Тальмана «Путешествие на остров любви» и тем самым культивирует еще чисто придворные формы французской литературы XVII в. Но в том же году Кантемир уже переводит «Разговор о множестве миров» Фонтенеля—самого блестящего популяризатора научных и антирелигиозных идей в подготовительный период французского просвещения⁶, а несколько позднее осуществляет не дошедший до нас перевод «Персидских писем» Монтескьё—произведения, столь своеобразно сочетавшего просветительскую критику абсолютистской монархии Людовика XIV с идеологией феодально-аристократической «фронды».

В качестве дипломата Кантемир долго жил в Лондоне и Париже, он общался там с деятелями раннего французского просвещения, дружил с Фонтенелем, Монтескьё и Мопертюи, переписывался по вопросам истории с Вольтером, изучал философию Декарта и политические сочинения Боссюэта, пристально следил за французской поэзией и даже сам пытался участвовать в ней⁷. А его салон в Париже знакомил литературную Францию с мало известной тогда молодой русской литературой. Французская культура, несмотря на критическое отношение Кантемира к некоторым ее сторонам, несмотря на осложняющее наличие сильных английских и итальянских влияний, наложила глубокий отпечаток на его мировоззрение и помогла ему стать в уровень с крупнейшими деятелями европейской образованности. Но практически культуру эту он воспринимал с точки зрения русского просвещенного дворянина, т. е. все же в достаточной мере ограничено. «Дорогое Кантемиру западное просвещение,—замечает Плеханов,—не заронило в его душу ни тени сомнения относительно правомерности крепостной зависимости крестьян. Зависимость эта представлялась ему чем-то вполне естественным»⁸.

Как писатель, Кантемир испытал на себе сильное воздействие французского и итальянского классицизма. Своими сатирами он первый насаждает этот стиль на русской почве, и Пушкин не даром именно «со времен Кантемира» намеревался проследить историю влияния «французской словесности на русскую литературу»⁹. Кантемир сам указал нам своих учителей. В предисловии к первой сатире «На хулящих учение» он признавался: «Я в сочинении своих [сатир] наипаче Горацию и Буало, француз, последовал, от которых много занял, к нашим обычаям присвоив».

Каким именно образом Кантемир делал это, показывает Плеханов на материале сравнения пятой кантемировой сатиры с восьмой сатирой Буало, в подражание которой она была написана: «Произведение Буало,—говорит Плеханов,—несравненно выше произведения Кантемира в смысле формы. Но при этом оно беднее перед его конкретным, прямо из жизни взятым содержанием»¹⁰. Таким образом, пример Кантемира, которого Белинский и Чернышевский считали основоположником «сатирического направления» в русской литературе восемнадцатого века, показывает, что ранние русские «просветители», несмотря на свое откровенное «ученичество» у Запада, отнюдь не были простыми подражателями своим учителям, а использовали их принципы и идеи применительно к своей отечественной почве, насыщая их богатым конкретным содержанием современной русской действительности.

Широкое восприятие французской культуры начинается, как указывалось, в царствование Елизаветы, в 40—50-е годы, в пору завершения движения русского дворянства к власти, в период его бурного подъема, его культурной и политической экспансии.

Сферой притяжения и восприятия французских влияний является, в первую очередь, двор императрицы, играющий роль не только политического центра, но и культурного представительства абсолютной власти, призванного демонстрировать ее величие и мощь. Необходимые для двора и высшей знати дворянской монархии блеск и пышность целиком заимствуются из Франции, безоговорочно признанной арбитром художественного вкуса. Дворцы при Елизавете строит Растрелли—итальянец по

крови, но француз по культуре; на потребу двора и знати из Парижа в изобилии рекрутируются художники, архитекторы, литейщики, среди которых приезжают и работают в России такие выдающиеся мастера, как художники Токке и Лагрене, миниатюрист Самсуа, скульптор Жилле, архитектор Деламот и др. Из Франции же заимствуются придворные формы поэзии—торжественные оды, «надписи», мадригалы, входившие необходимым элементом в ритуалы дворцовых празднеств. Верхушка дворянства, с ее стремлением ко двору, начинает усваивать нормы французского светского поведения. Входят в моду французский язык, французские книги, французские гувернеры. Французам подражают в обстановке, одежде, нравах.

Непосредственные внешнеполитические интересы (предстоящее вступление России в семилетнюю войну в союзе с Францией), а еще более необходимость политики идеологического укрепления дворянской монархии, поднятия ее престижа в странах Запада, где «северную империю» все еще рассматривали, как «империю варваров», заставляют правящие круги озаботиться установлением непосредственного культурного контакта с Францией. Ограниченная и невежественная Елизавета, хотя и воспитанная на французский лад, не могла, подобно Екатерине, претендовать на роль «друга философов». Культурный престиж монархии на Западе защищают просвещенные вельможи, влиятельнейшим и типичнейшим среди которых является, для данного времени, И. И. Шувалов. По выражению его биографа, «он был чем-то вроде неофициального русского посла при той общеевропейской литературной державе, которая имела Париж своей столицей и задавала тон остальной Европе»¹¹. Шувалов одним из первых завязывает непосредственные связи с европейскими писателями. Он выступает инициатором в области вовлечения в политику русского двора деятелей французского просвещения, в первую очередь Вольтера, пишущего по заказу Елизаветы (фактически Шувалова) «Историю России при Петре Великом». Человек по-европейски образованный, посещавший «философические гостиные» маркизы дю Деффан и г-жи Жоффрен, находившийся в деловой и дружеской переписке с Вольтером, Гельвецием, Даламбером, Бюффоном и другими, И. И. Шувалов—«северный Меценат», как его называли в Европе,—несомненно, способствовал украшению европейским орнаментом фасада елизаветинской монархии и подготовил дворянско-придворный «siècle des lumières» Екатерины II.

Сложнее складывались отношения к французской культуре за пределами узкой сферы придворно-монархического быта и политики елизаветинского времени.

Величайший культурный деятель этого времени, гениальный русский ученый и мощный строитель национального языка и литературы, Ломоносов, непосредственно почти не связан с Францией (хотя в его торжественных одах имеются отдельные тематические и текстовые параллели с Малербом, Ж.-Б. Руссо и др.). Тем не менее, этот поэт-ученый, утвердивший в русской литературе господство классического стиля, в сильнейшей степени содействовал своей теорией и практикой усвоению целого ряда эстетических и жанровых норм французского классицизма на русской почве. Утвержденный им поэтический стиль удержался в России едва ли не дольше, чем где-либо, и окончательно заколебался лишь в начале XIX в. Весь этот период развития русской словесности проходит под знаком господства французских идей, и можно сказать, что воздействие